

А.В. Гладышев
Саратовский университет

Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции)*

Взаимоотношения истории и политики кратко можно выразить известным афоризмом: «Кто владеет историей, тот владеет политикой». Как говорил знаменитый историк Леви-Стросс, «история никогда не является просто историей чего-то, но всегда историей для чего-то». Этот, казалось бы, общеизвестный факт то предается забвению, то (вдруг) актуализируется.

История была связана с политикой еще до своего официального рождения, а с веками политизация исторических сочинений лишь нарастала. Этим объясняется тот факт, что государство постоянно стремится обозначить свои интересы в освещении прошлого¹. Мы знаем немало примеров того, как искусственно конструируемые исторические мифы позволяли власти манипулировать огромными массами людей. Целенаправленное влияние на историческую память было и остается одной из важных форм осуществления власти. Книги по истории жгли и при Августе, и при Тиберии, и при Торквемеде, и при Лютере, и при Гитлере...

Конечно, власть может прямо или косвенно контролировать историков и понятно, что контроль этот – не самоцель, а лишь один из инструментов контроля за общественным сознанием, за обыденными массовыми представлениями о прошлом. С XIX в. по сегодняшний день одно из важнейших мест в формировании обыденных представлений о прошлом занимают школьные учебники. Не случайно, сегодня содержание и задачи предмета истории обсуждаются международными, общеевропейскими организациями².

Со второй половины XX в. интерес представителей «научной истории» к продукции «учебной истории» нарастает (особенно благодаря усилиям Марка Ферро³). Уже апробированы различные методики анализа учебной литературы. 1). Иногда сравнивают «научный» и «учебный» информационный уровни, выявляя, тем самым, ошибки и «ляпы» учебной литературы. 2). Иногда исследователи стремятся акцентировать противоречия (разночтения) национальных учебных нарративов. 3). Иногда учебники пытаются рассмотреть сквозь призму исторического мифотворчества. 4). Но можно также попытаться рассмотреть в сравнительной перспективе процесс эволюции содержания исторического образования. Можно попытаться определить, в какой степени учебная литература, отражающая исторические события, является маркером политических социальных и ментальных трансформаций в обществе. При этом, пристальному вниманию должен быть подвергнут дискурс того или иного учебника. Особое внимание к дискурсу объясняется тем, что язык учебника порой более тонок и нюансирован, чем язык политика!

Насколько актуальна сегодня эта тема подчеркивает тот факт, что вопрос о содержании и задачах преподавания истории рассматривается на уровне Совета Европы. Заместитель директора

Андрей Владимирович Гладышев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового, Новейшего времени и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, член редколлегии «Французского ежегодника». Сфера научных интересов – интеллектуальная история Французской революции, Просвещения и империи Наполеона I, автор монографий, учебников и учебных пособий по этим проблемам. E-mail: gladav2002@mail.ru

* Доклад, прочитанный на Всероссийской научной конференции «Россия и мир: Панорама исторического развития» в честь 70-летия исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург, 12 – 16 ноября 2008 г.).

1 См. так же: Гладышев А.В., Дубенцов Б.Б. Вместо предисловия // Историческое сознание и власть в зеркале России XX в. СПб., 2006. С. 8-9.

2 Обзор материалов конференции «преподавание истории и создание атмосферы доверия: ситуация в Центральной и Восточной Европе» (Смоленск, 1995) см.: Преподавание истории в школе. 1995. № 6.

3 Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

Совета Европы по вопросам образования, культуры и спорта Мэйтлэнд Стобарт в 1995 г. отмечал: «К сожалению, школьные учебники и практика преподавания истории очень часто подтверждают пессимистичность суждения французского писателя Поля Валери, который утверждал, что «история – это наиболее опасный продукт из всех когда-либо производившихся человеческим интеллектом», так как делает целые нации «ожесточенными, самонадеянными, нетерпимыми и тщеславными»⁴. Поэтому, сегодня и ставится задача «исключить из процесса исторического образования ошибки и предрассудки, апеллировать к фактам, а не к стереотипам восприятия». Но французы были не только пессимистами, как Поль Валери, они первыми попытались подвергнуть эту проблему научному анализу. И интересовали их при этом не только чужие национальные нарративы (как М. Ферро), но и свои собственные⁵.

Франция, в которой обучение истории занимало центральное место, уже давно ведет нескончаемые дебаты относительно содержания школьных учебников...

...Просвещенные французы увлеклись своей историей примерно с XV в., тогда путем экскурсов в прошлое старались доказать, что существующее государство носит законный характер. Но поскольку мы ведем разговор о школьной литературе, нас будет интересовать в первую очередь XIX в. – «век истории». Еще в 1791 г. Конституция предусматривала, что «воспитание должно формировать дух братства между гражданами, формировать привязанность к конституции, к своей стране, к ее законам». Еще более категоричен был Наполеон: «долг школы состоит в преподавании католицизма, верности императору, в формировании граждан, преданных церкви, государству и семье»⁶. Поэтому-то при Наполеоне I историков курировало Министерство внутренних дел и полиции. Это подчеркивает ту важность, которую придавал Наполеон истории в деле манипулирования общественным сознанием. Историки были фактически приравнены к государственным служащим (современным нашим историкам в финансовом отношении об этом и не мечтается!), соответственно они были обязаны *в верном свете* показать революционные события конца XVIII в. и приход Бонапарта к власти. Характерно общее увлечение историей. Как бы преодолевая ментальный разрыв с прошлым, вызванный Французской революцией, французы торопятся историоризировать, сохранить память от забвения. Публика охотно посещает лекции по истории в Сорбонне. Но это касалось лишь «высокой» истории, что же касается преподавания истории в школе, то еще «преподавалась священная история, сообщались какие-то сведения о первых королях, по векам и по царствованиям. История Франции начиналась с легендарного Фарамона и останавливалась на Карле Лысом или Людовике Святом; редко когда доходили до Бурбонов»⁷.

Уже во французской школе романтической историографии (да и во французском обществе первой половины XIX в., в целом) история рассматривалась как политическое оружие. Историки эпохи Реставрации это не скрывали, а подчеркивали. Как позднее напишет М. Ферро, «история является у нас одной из любимых арен гражданских битв, в основе которых сложная система стратификации»⁸. История играла тогда, по преимуществу, политическую функцию.

Как только в XIX в. утвердился система массового школьного образования, тут же актуализировалась воспитательная функция истории. Как считают, некоторые авторы, можно даже говорить о том, что «познавательные цели были подчинены гражданственным (в широком смысле), ибо в новоевропейском проекте народного образования на первом плане стоит формирование национальной общности и привязанности к своему прошлому»⁹. Были созданы целые институты, так или иначе контролирующие содержание школьных учебников по истории. Дальше всех пошли опять французы. Во второй половине XIX в. французы еще глубже осознали важность истории. Во Франции во время правления республиканцев в последней трети XIX в. дело дошло до того, как указывает А. Про, что «историю начали преподавать уже с детского сада». Таким путем пытались сформировать единое

4 Стробарт М. Совет Европы и историческое образование // Преподавание истории в школе. 1995. № 7. С. 36.

5 Битва при Пуатье (4 октября 732) будет изображаться во французских учебниках как событие счастливое, в провансальских – как несчастное и отсутствовать – в арабских. См.: Montero M. L'Histoire. P., 2001. P. 80.

6 Ферро М. Указ. соч. С. 242.

7 Ферро М. Указ. соч. С. 37.

8 Ферро М. Указ. соч. С. 146.

9 Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. СПб., 2006. Т. 2. С. 413. О том же писал и М. Ферро: главная цель носит не познавательный, а идеологический характер – обучение истории, воспитывающей чувство гордости за национальное прошлое, см.: Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

патриотически-республиканское самосознание. (Изучение истории в детских садах было отменено во Франции только в н. XX в.)¹⁰. Но теперь история является для французов не только политическим оружием, но и удобным инструментом национальной самоидентификации. В ряде случаев, например (если иметь в виду издание источников), история становится государственным делом! Отныне французы не представляют себе ни начального, ни среднего, ни высшего образования без истории; независимо от его эффективности историческое образование воспринимается как совершенно необходимое. Именно тогда французы (по примеру немцев) постарались превратить историю в науку. При этом, историки, единодушно взывая к объективности (этого требовал статус «научности»), вполне осознано творили миф, призванный сплотить нацию.

Здесь нужно сделать небольшое отступление общего характера... Для любой национальной самоидентификации необычайно важен культ предков... Познание и осмысление исторического прошлого - необходимое условие формирования национальной идентичности любого народа. Именно историческая память задает точку отсчета существования того или иного национального сообщества и определяет его идентичность, превращая конгломерат индивидов в единое целое. Роль общего прошлого в формировании национальной идентичности ничуть не ниже, а порою даже выше, чем общность языка и культуры...

Рассмотрим несколько примеров из учебной литературы времен III Республики, предназначенной для начальной школы. (Здесь надо оговориться, что начальная школа обладает своей спецификой. В частности, и идеологический, и собственно исторический дискурсы здесь как таковые отсутствуют. Идеология рассеяна по метадискурсу и проявляется через стратегию использования тех или иных конкретных исторических примеров. Вместо исторического дискурса, здесь, скорее, одни «исторические костюмы»). Для анализа использованы следующие издания: «Путешествие по Франции двух детей» Г. Брюно (одна из основных книг для начального образования юных республиканцев), «Маленький Жан» Шарля Жеанеля, «История Франции» Рожи и Дюпике и «Элементарный курс истории Франции» Лависса, выдержавший 37 изданий¹¹.

Остановимся лишь на четырех моментах: 1) культ предков; 2) характер французского народа; 3) перечни «великих людей» истории и их добродетелей; 4) эволюция содержания учебника. Этот момент – своеобразный маркер трансформации политических и ментальных отношений в обществе – особенно любопытно проследить на примере «Маленького Жана» (если иметь в виду нарастающий антиклерикализм властей III Республики).

1. И Брюно, и Рожи с Дюпике, и Лависс начинают историю отечества с Галлии. Древняя Галлия – исток. Галлы для них – это «наши», это предки. При этом, галлы не слишком даже идеализируются. Учебники описывают их как варваров, как людей легко возбудимых, переменчивых, недисциплинированных. «Что касается их верований и мировоззрения, то и здесь они – сущие дети». Это – «народ-ребенок» (этот образ важен еще и с психологической точки зрения). Ну, а что можно ожидать от детей в плане дисциплинированности? Лишь романское завоевание принесло им дисциплину и цивилизованность. Почему галлы не идеализируются?

Возможно, дело здесь в том, что авторы стремятся привить детям понимание самоценности прогресса. Конечно, галлы – варвары, но, когда речь идет о прогрессе и цивилизации, Лависс не устает повторять: «Наша страна сильно изменилась с тех пор, и мы ничуть уже не походим на наших предков галлов». При этом постоянно подчеркиваются положительные черты галлов: ум, сообразительность, храбрость, героизм.

Учебники формируют образ страны – заросшей сумрачным лесом Галлии. С одной стороны, это позволяет подчеркнуть трудолюбие галлов, а с другой – «блеск» республиканской Франции. Опять-таки наглядно показывается прогресс.

¹⁰ Про А. Указ. соч. С. 30. Пьер Нора в следующем видит отличие Франции от других стран: «В Германии, например, носителем национальной идеи являются в основном философы. В Центральной и Восточной Европе гарантом и зародышем ее развития был национальный фольклор. Во Франции роль организатора и руководителя национального сознания всегда принадлежала историкам». См.: Франция – Память. СПб., 1999. С. 5. Лишь одна страна (точнее – режим) смогла, пожалуй, «переплюнуть» здесь французов – СССР. Создание учебников по истории находилось под прямым контролем И. Сталина, партийный контроль за учебниками по истории сохранялся вплоть до перестроечных времен. «В России начала нашего века школьные учебники по истории обсуждаются на заседаниях правительства и являются предметом пристального внимания со стороны президента и его администрации». См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: Теория и история. СПб., 2006. Т. 2. С. 414.

¹¹ См.: также: Maingueneau D. Les livres d'école de la République. 1870-1914. P., 1979.

Фундаментальная добродетель галлов – храбрость. Верцингеторикс – патриот по определению. Это – «модель патриота», «первый француз», это герой, «защищавший нашу страну». Лависс: «Все дети Франции должны помнить Верцингеторикса и любить его!»

Франция – наследница не только галлов (с их беспримерной храбростью), но и римлян (с их цивилизованностью). Это необходимо для обоснования двойного превосходства французов (в патриотизме и цивилизованности). Римляне, цивилизовавшие шалунов галлов, подсознательно должны ассоциироваться у учеников со школой. Лависс пишет: «Римляне умели читать и писать. Они знали арифметику и геометрию, грамматику и орфографию. Они учили эти и другие вещи в своих школах». Галлы – предки французов – сумели благодаря своей сообразительности воспринять все достижения римской цивилизованности. Поэтому-то, едва ли не каждый взрослый коренной парижанин глубоко убежден, что ни один другой народ не может поспорить с французами в цивилизованности.

2. Характер французского народа. Когда речь заходит о французах, фраза строится по энциклопедическому принципу: «французы – это...» Семантически здесь присутствует противопоставление с другим, с «иностранцем». Образ французского народа конструируется по схеме: француз гордится свободой, склонен к независимости, неспособен к пресмыкательству и раболепству. «Свободолюбие», как черта характера, функционирует и на внешнеполитическом уровне, и на личностном.

Одна из самых распространенных характеристик французов – «легкость». Это – “peuple leger”, что можно понять как «легкомысленный», а можно и как «переменчивый» (т.е. склонный к переменам). Эта характерная черта французов используется в учебниках как оправдание: «..., потому что французы наследники галлов». Это галлы оставили французам в наследство свой «легкий» характер. Ну, и что? Если французы и склонный к некоторой легковесности народ, то они ведь и легки на подъем, они всегда брали на себя роль инициаторов морального прогресса человечества и постоянно экспериментировали в области идей. Таким образом, здесь «легкомысленность» уже выглядит как «склонность к новациям»... В конце концов, французы никогда не забывали данного ими слова, а живость ума всегда предпочтительнее тугодумия!

3. Помимо черт национального характера, с культом предков связаны и «агиографические ансамбли» – списки «великих людей», персонифицированные предки. Главная установка («Маленький Жан»): «Франция – страна великих людей. Вот почему мы гордимся своей страной».

Сравним перечни «великих людей» в «Путешествии по Франции» и «Маленьком Жане». Разница будет и в нюансах оценки того или иного исторического персонажа¹², и в поименном составе агиографических ансамблей.

Разнообразие героев в «Путешествии по Франции» контрастирует с простотой в «Маленьком Жане». Биография здесь поглощается в простой актуализации детерминирующей добродетели (храбрый, умный и т.д.). Эта простота имеет и педагогический смысл – так проще запомнить, и идеологический смысл – отказ от опасной многозначности исторических фигур. Дети найдут в «Путешествии по Франции» и патриотов (Верцингеторикс – вождь галлов в их борьбе с Римом), и храбрецов (Б. Дюгесклен – военачальник во время Столетней войны между Францией и Англией), и первооткрывателей (Колумб), и праведников (Св. Людовик). В «Путешествии» мы встречаем инженеров, министров, ученых, изобретателей, врачей, прелатов и т.д. Полный перечень их добродетелей составляет необходимый набор для юного республиканца. Чтобы показать силу, ребенку демонстрируют льва. Чтобы показать пример упорства – фигуру Бернара де Палисси, который 15 лет искал свой способ декорирования фаянса или Пьера-Поля Рике, который посвятил жизнь строительству канала между Атлантикой и Средиземным морем.

Что касается нескольких «святых», встречающихся на страницах книги, то они попали в список «великих» не в силу своей очевидной святости (которая не столь уж и очевидна), а в силу того, что они были носителями той или иной благородной идеи или добродетели. Например, святой Бернар Клервосский здесь – «великий человек Бургундии»¹³. В биографии Св. Бер-

12 Например, в «Маленьком Жане» Жанна д'Арк вписана в триаду «Король – Отечество – Бог», а в «Путешествии по Франции» из этой триады присутствует лишь «Отечество».

13 «Все провинции Франции дали замечательных людей. Замечательных талантами или душой. Людей, которые служили своей родине и человечеству. Но мало какая провинция может сравниться с Бургундией, которая дала столько великих людей, большая часть из которых была патриотами».

нара Клервосского (всего-то — 12 срок) нет религии как таковой: есть монастырская *реформа* и предотвращение убийства евреев (*толерантность*). Все описывается во вполне светских тонах. Главное, что святых или религиозных деятелей в учебнике все же упомянули (компромисс). Но от переиздания к переизданию «Путешествия по Франции» религиозный дух и всякие аллюзии на Бога все более исчезают. На смену деизму приходит воинствующий рационализм. Исчезают даже гравюры с изображением церквей и храмов: Нотр Дам заменяет замок Иф. Где только можно *chapelle*, заменяется на *palais*.

В «Маленьком Жане» — ни артистов, ни изобретателей, ни ученых. Лишь библейские персонажи, короли, полководцы. В позднейших изданиях этот список расширяется, но по-прежнему это все люди Старого порядка, в основном времен «Короля Солнца».

Что же из себя представлял «Маленький Жан»?

4. По «Маленькому Жану» Шарля Жеанеля, профессора философии из университета Монпелье, училась *l'école libre*. «Маленький Жан» был издан впервые еще в 1846 г., и к 1879 г. он был переиздан с некоторыми изменениями 29 раз. Переиздавался он и в годы III Республики. Этому учебнику почти век (1846 — 1930). Для учебника по грамматике это нормально, но здесь речь идет о книге для чтения, предназначенной для идеологической подготовки детей определенного общества. «Маленький Жан» стал своеобразным «полуофициальным» учебником в годы Второй империи и «альтернативным» учебником в годы III Республики. Это стало возможно, вероятно, потому, что в «маленьком Жане» минимум догматизированного католицизма и максимум установок на социальную интеграцию. Сам учебник предназначен, как явствует из предисловия, для «детей из народа». Это — книга для бедняков, отсюда и ее лейтмотив: Христос сам был беден, но он трудился, чтобы прокормить себя и помогал нуждающимся. На первом плане в данной книге идея Порядка (естественный порядок, социальный порядок и т.д.), которая идет рука об руку с морализаторством. Чисто религиозного образования здесь нет. Этот учебник отражает своеобразный компромисс между церковью и светской властью времен Второй империи. Отсюда и идея подчинения установленному социальному порядку. В главе, посвященной празднику Рождества Христова, речь идет больше о бедных и богатых, чем о Христе. Этот праздник — удобный повод усвоить несколько полезных истин: Христос любит трудолюбивых и заботится о них. Бедняки же должны не роптать на свою бедность, а трудиться. Религиозный дискурс пресен и лишен всякой полемичности и остроты. От издания к изданию (1846, 1853, 1879 гг.) религиозный дискурс все больше выветривается из «Маленького Жана», что отражает изменения политического режима.

Например, в издании 1846 г.: «- Бабушка, а кто такой король? — Ах, маленький Жан, какой хороший вопрос! Король это...». В издании 1853 г.: «- Бабушка, а что такое общество?» «- Ах, какой хороший вопрос Жан. Общество это...». Со страниц книги исчезают крики «да здравствует король!», все больше речь ведется об уважении к главе государства и его префектам. В издании 1853 г. появляются главы «Наследство», «Собственность», «Богатые и бедные».

Изменения в издании 1879 г. минимальны, но показательны. Главное, бросающееся в глаза отличие — между изданиями 1853 и 1879 гг. — исчезновение фигуры Наполеона, что вполне понятно. В издании 1879 г. читаем: «Долгое время Франция управлялась королями. Затем произошли многочисленные изменения, о которых вы узнаете позднее. Но то, что вам понадобится на протяжении всей своей жизни, это — знание, что все должны уважать главу государства».

Фактически это другая версия истории. В «Маленьком Жане» главная движущая сила — Провидение. В «Путешествии» — прогресс просвещения, искусств и наук.

В целом, учебные книги для начальной школы времен III Республики характеризуются стремлением создать мифологизированный пантеон национальных героев, внушить уважение к государству и нации, соединить монархическую и республиканскую традиции. Создается, как выразился П.Ю. Уваров, «великая сага национальной истории»¹⁴, которая давала французам ориентиры (возможность отличать прогресс — регресс), задавала вектор развития. Это национальный миф, это рассказ о событиях и великих личностях, это история нации, которой уготована великая историческая миссия.

На школьном уровне национальный миф Лависса рухнул лишь в конце 1970-х гг. Развернулись шумные дебаты о школьной истории, сопровождавшиеся широкой ее демистификацией.

14 Уваров П.Ю. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. 2004. № 5.

Теперь главной в школьных учебниках по истории стала идея «patrimoine» - «национального культурного достояния». Францию захлестнул поток коммемораций.

Коммеморативный феномен затронул почти все современные общества, но в наибольшей степени он проявился во Франции (по крайней мере, так думают сами французы)¹⁵. С III Республики государственные институты стараются контролировать коммеморации, манипулировать ими. Это и понятно, ведь речь идет об идеологии: проекты памятников, программы праздников, – все призвано напомнить нам о нашей общей истории, о нашей идентичности. Кроме того, коммеморации часто имеют и политический подтекст, особенно, охотно этим приемом пропаганды пользуются консерваторы или националисты.

Сегодня коммеморативный феномен претерпел определенную трансформацию. Французы говорят о разрушении классической версии национальной коммеморации (той, что Французская революция дала жизнь, а Третья Республика – юридические права). Эта модель заменена системой более раскрошенной, язык коммемораций стал более невнятен, а связи с прошлым – более избирательны. Роль государства стала более скромной, коммеморации более не пропагандируют образы деперсонифицированной власти (Франция, Республика, Нация). Современная коммеморативная система отказалась от традиционных мест проведения церемоний (школы, площади) в пользу музеев и театров. Коммеморации теперь имеют локальный, а не общенациональный характер, в них больше акцентируется культурная составляющая. Тогда как память о войне 1914 – 1918 гг. была мощным фактором национального единения, воспоминания о Второй мировой войне стали, напротив, фактором раздела общества: голлисты и коммунисты с 1945 г. праздник Победы отмечают отдельно (одни – 8 мая, другие – 9 мая). Сегодня страсть к коммеморациям овладела не столько гражданами или нацией, сколько партиями, синдикатами, ассоциациями¹⁶.

Да и наша сегодняшняя конференция, посвященная 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького – пример того, насколько коммеморации нужны и важны; и не исключено, что когда-нибудь сами организация и проведение конференции и торжеств, посвященных 70-летию истфака, станут предметом исследовательского интереса специалиста по коммеморациям.

SUMMARY

As a whole, educational books for an elementary school of times of III Republic are characterised the aspiration to create a mythological pantheon of national heroes, to inspire respect for the state and the nation, to connect monarchic and republican traditions. It is created "The great saga" of national history, which gave to Frenchmen reference points, set a development vector. It is a national myth, it is the story about events and great persons, it is history of the nation by which is prepared great historical mission.

15 У англичан же гражданские праздники не столь многочисленны и популярны, празднование трехсотлетия «Славной революции» 1688 г. прошло малозаметно. «Коммеморация во Франции – манифестация светская, связанная с традициями Просвещения, Революции и Республики». См.: Montero M. L' Histoire. P., 2001. P. 67.

16 Montero M. L' Histoire. P., 2001. P. 70.